

УДК 81'38+82.0

О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

(на материале романа Д.Брауна «Код Да Винчи»)

Е.В. Скугарева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

Статья посвящена языковой репрезентации прецедентности религиозного дискурса (на материале романа Д.Брауна «Код Да Винчи»). Религиозный дискурс обладает своими единицами. Текст Библии актуализируется в произведении с помощью сакральных имён, цитат, высказываний. Являясь компонентами смысловой структуры текста, прецедентные единицы активизируют фоновые знания читателя и способствуют взаимопониманию автора и адресата.

Ключевые слова: *дискурс, религиозный дискурс, прецедентный текст, прецедентный феномен, прецедентное имя.*

Религиозный дискурс относится к одному из типов институциональных дискурсов и является одним из древнейших. Институциональный дискурс характеризуется: ориентацией на структуру, максимумом ограничений, относительно фиксируемой меной коммуникативных ролей, меньшей обусловленностью непосредственным контекстом, приматом глобальной организации, наличием небольшого числа целей, имеющих глобальный характер [6: 176, 190]. Все религиозные тексты обладают двойственной природой: это голос Бога, который воспринимается душой, и человеческие книги, подчиняющиеся законам литературных жанров. По мнению С.В. Ракитиной, текст – это продукт дискурса, средство накопления, хранения информации, конкретный материальный объект, связанный с системой языка, лингвистическими знаниями [8: 194]. Э. Бенвенист противопоставлял текст и дискурс как систему и процесс [10: 129–130]. Основная форма существования дискурса – текст. Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию формальной конструкции – текста [2: 178–179]. Тема или содержание дискурса полностью раскрывается только при комплексном взаимодействии нескольких текстов [9: 122]. Приведённые факты позволяют по-новому оценить текст, не как законченную единицу, а как открытый элемент межтекстового пространства. Некоторые произведения современной литературы являются выразителями религиозной дискурсивной практики.

Языковые средства религиозного дискурса играют важную роль в выражении возвышенных объектов и «сакрального опыта», а также в воспитании адресата и нормировании отношений между индивидами. Это означает, что содержание языка религиозного дискурса есть репрезентация его системы референций: божественное, сакральное, высшее, сверхъестественное не может быть осмысленно в терминах «приземлённых» феноменов. Как отмечает Е.В. Бобырева, в любом виде дискурса автор обогащает создаваемый им текст фрагментами из ранее изученных им текстов (текстовыми реминисценциями) [1: 186]. В большинстве случаев автор заимствует эти фрагменты из так называемых прецедентных текстов

Интерес к изучению прецедентных текстов, представляющих собой средоточие культурных ценностей, выраженных в кратких языковых формах, проливает свет на ценностный потенциал лингвокультурного сообщества, что на современном этапе является весьма востребованной проблематикой и позволяет говорить об актуальности представленного исследования. Научная новизна исследования связана с выявлением и толкованием ряда идиостилистических особенностей языка автора при создании прецедентного мира художественного произведения.

Прецедентные тексты (далее – ПТ) знакомы многим представителям общества [цит. раб.: 187]. По мнению Д.Б. Гудкова, «...неотъемлемой частью прецедентного текста является корпус ПТ. Данное образование представляет собой определённую парадигму образцовых текстов национальной культуры, изучение которых представляется необходимым при социализации личности в лингвокультурном сообществе (ЛКС). Апелляция (обращение) к этим текстам постоянно возобновляется в рамках этого сообщества. ПТ образуют своего рода метауровень, к которому обращается при восприятии и порождении текста любой носитель языка. Без знания данных текстов невозможно адекватное и полноценное понимание не только текстов той или иной культуры, обнаружение их интертекстуальных связей, но и понимание самой культуры» [3: 225–226]. Корпус национальных прецедентных текстов непрерывно меняется под влиянием изменений в жизни общества. На смену одним прецедентным текстам приходят другие [1: 188]. ПТ основаны на прецедентном феномене, который обладает следующими признаками: во-первых, он выполняет роль эталона культуры; во-вторых, функционирует как свёрнутая метафора; в-третьих, выступает как символ какого-то феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков [5: 171]. Как отмечает В.В. Красных, прецедентный феномен хорошо известен всем представителям данного сообщества, представляет собой основу прецедентных текстов.

На уровне религиозного дискурса выделяют внутреннюю и внешнюю прецедентность. Внутренняя прецедентность представляет собой воспроизводимость хорошо известных первичных образцов религиозного дискурса – фрагментов «Священного Писания» в процессе построения вторичных жанровых образцов религиозного дискурса (проповеди, молитвы, псалмы). Например: *Psalms like: «Purge me with hyssop and I shall be clean...wash me, and I shall be whiter than snow»* [11: 34]. В виде цитаты без упоминания лица, которым первоначально они были воспроизведены (порождены). Например: *Hitherto shalt thou come, but no further* [цит. раб.: 138]. Прецедентные вкрапления выполняют ряд следующих задач:

1) прецедентные высказывания в тексте используются с целью поместить тот или иной факт, о котором идёт речь, в определённую историческую (библейскую) перспективу, в вертикальный контекст для придания описываемому событию положительной или отрицательной оценки. Например: *«What kind of God would want a body punished this way?»* [цит. раб.: 138];

2) появление реминисценции в тексте связано с желанием адресанта использовать некий уже имеющийся образ для оживления своего текста. Например: *Travel.Lodging.Cash.The Holy Trinity* [цит. раб.: 169];

3) текстовая реминисценция может использоваться как ссылка на авторитет (неоспоримый источник мудрости и знания для многих поколений – текст «Священного Писания»). Например: *Hitherto shalt thou come, but no further* [цит. раб.: 138];

4) подтверждение правильности (неоспоримости) передаваемой мысли, через указание на её источник (для верующих истинным знанием являются слова и учения Бога). Например: *Now, as if by the will of God, the solution had presented itself* [цит. раб.: 115];

5) опора на прецедентный текст может выполнять и эстетическую функцию, обращая внимание адресата на уже существующий яркий образ [1: 194]. Например: *As he stood and examined his find, he realized he was holding a rough-hewn stone slab with engraved words. He felt for an instant like a modern day Moses* [11: 137].

Значительную часть прецедентов произведений зарубежных авторов составляют инокультурные прецедентные феномены, которые входят в русское языковое сознание как инокультурные смыслы, так как заимствованный из чужой культуры персонаж или сюжет не просто переносится в другую культуру, а интерпретируется ею в соответствии с мировосприятием, мировоззрением и ценностями конкретной культуры. Вместе с тем, инокультурные прецедентные феномены формируют универсальное прецедентное пространство. Они широко распространяются среди членов разных лингвокультурных сообществ и становятся известны любому современному индивиду. С.Е. Михайлова называет их международно-прецедентными: феномены, которые, так или иначе «вплетаются в языковой фонд различных лингвокультурных сообществ» [7: 50]. Анализируя произведение Д. Брауна «Код да Винчи» можно обнаружить значительное количество прецедентных имён, входящих в мировой культурный фонд, включающих две группы:

- прецедентные имена библейского и мифологического характера (*Jesus, Sophie, Venus, Hermes, Aphrodite, Amon, Isis, the Lord, etc*);

- прецедентные имена, выражающие произведения искусства и их создателей, а также отображающие имена деятелей науки (*Leonardo da Vinci, Titian, Caravaggio, Salvador Dali, Claude Monet, Picasso, Botticelli, Renoir, Leonardo Fibonacci, Draco, Issac Newton, Victor Hugo etc*).

Употребление в тексте имён библейского и научного направлений отражает сюжетное противостояние науки и религии. По мнению Е.В. Бобыревой, прецедентное имя связано либо с широко известным текстом, который относится к разряду прецедентных, либо с ситуацией, известной носителям языка. Статусом прецедентных обладают индивидуальные имена, входящие в когнитивную базу, т.е. представление обозначаемого лица или культурного предмета является известным для всех членов лингвокультурного сообщества.

Прецедентные имена представлены именами нарицательными (ангел, сатана, богиня) и собственными (*Иисус, Моисей, София*), включая те, которые, в силу их частого употребления в ряде контекстов, стали нарицательными (*Адам, Ева, Господь, Всевышний*). Прецедентное имя служит для указания на тот или иной единичный объект (реальный, воображаемый), означаемым этого имени является национально детерминированное минимизированное представление о данном объекте. Прецедентное имя употребляется либо денотативно (для наименования объекта: *Moses, Jesus, Madonna*), либо коннотативно (для характе-

ристики объекта: *Grand Master, the Gardens of Early Delights, the Teacher*). Характеристика, передаваемая с помощью прецедентного имени, не нуждается в объяснении для представителей определённого лингвокультурного сообщества. Данное имя принадлежит языковому сознанию, стоящие за ним представления – сознанию когнитивному. Экспрессивность прецедентного имени даёт возможность использовать его в виде прозвища, закрепляя за тем или иным лицом его эмоциональную характеристику [1: 194]. При использовании прецедентного имени происходит обращение к определённому набору его дифференциальных признаков, которые могут включать его характеристику (по чертам характера, внешности, действиям и поступкам, выполняемым функциям) или актуализироваться через конкретную прецедентную ситуацию [цит. раб.: 196] Например: персонаж с говорящим именем Софи Нэвё. Буквально на французском языке «Софи Нэвё» *Sophie Neuve* означает – ‘новая мудрость’. По сюжету, Софи – гипотетически прямая наследница Христа, а значит – носитель его учения, а, следовательно – и мудрости *Sophie. Neuve* – ‘новая’ – говорит о том, что Софи должна принести в мир Правду, правду о Христе, т.е. – нечто новое. Это снова образ всего человечества, которое в силу новых сведений и учений должно принять нечто новое, подняться на следующую ступень в своей эволюции. Именно мудрость позволяет Софи разгадать загадки, с которыми сталкивает её жизнь. Дед назвал её принцессой Софи *Princess Sophie*. Инициалы *P.S.* – сокращенное название Приората Сиона (тайной организации, великим магистром которой был Жак Соньер [4: 171]. Отметим, что в переводе с французского Софи-Неве означает ‘наследница’, т.е. наследница тайн данной организации.

Анализируя систему образов романа «Код Да Винчи», мы выделили одну важную закономерность: в образах практически всех персонажей присутствуют черты и элементы, относящиеся к религиозному дискурсу. Среди примеров использования говорящих имён, в том числе и прецедентных отметим следующие.

Профессор Ли Тибинг: его имя Ли (англ. *Leigh*) является как женским, так и мужским. Это можно интерпретировать следующим образом: двойственная природа имени экстраполируется и на его носителя – профессор Тибинг, учёный, посвятивший всю жизнь развенчиванию лжеидей церкви – он же и некий Учитель, желающий с помощью епископа Арингароса заполучить «краеугольный камень» *the keystone*. В работе американского литературоведа-богослова Р. Томаса на основе анализа текста книги «Откровение Иоанна Богослова» приводится характеристика пророка: «...дар пророчества является таинством» [12: 82]. О причинах, побудивших Ли Тибинга стать на путь, который он избрал, Д. Браун не сообщает, а лишь даёт краткую биографическую справку: *A descendant of Britain's Duke of Lancaster* [11: 217]. Это делает его фигуру загадочной.

Существует и другая версия декодирования его имени: двойственная природа имени – прямая аллюзия к картине Да Винчи «Мона Лиза», в которой сочетаются как женское, так и мужское начало. Мы знаем, что Тибинг за основу своей теории берет зашифрованные послания в картине Да Винчи «Мона Лиза». Его имя является анаграммой, составленной из имен писателей Майкла

Бейджента и Ричарда Ли, соавторов книги «Святая Кровь и Святой Грааль» [4: 229]. Фамилия (*Teabing* – из фамилии Бейджент (*Baigent*)).

Епископ Мануэль Арингароса кардинал Опус Деи, вознамерившийся скрыть от человечества истинный смысл Святого Грааля. Его имя состоит из двух итальянских слов: *aringa* ‘сельдь’ и *rose* ‘роза, красный’ [4: 28]. В результате получается английское слово *red herring* ‘отвлекающий маневр’, подчёркивает деятельность данного персонажа.

Ещё одним персонажем с говорящим именем в романе является капитан французской полиции Безу Фаш. Фаш (*fâché*) по-французски – ‘сердитый, обозлённый, недовольный’, что соответствует его грубому поведению и далекому от деликатности манерам: *Mr. Langdon, said Fache abruptly* [11: 37]. Булавка в виде распятия «*crux gemmata*» символизирует Христа и его учеников [4: 75]. Подчинённые Фаша называют его “бык” – *the Bull* [11: 19], а бык символизирует собой ярость, свирепость. Имя Безу совпадает с названием места на юге Франции, а также с названиями двух организаций, часто встречающихся на страницах романа.

Жером Колле – лейтенант полиции, помощник Безу Фаша. Его фамилия *Collet* с французского означает ‘воротник или аркан’, что на профессиональном полицейском жаргоне имеет скрытый смысл ‘быть пойманным полицией’ [4: 59].

В анализируемом произведении актуальны цитаты, основанные на тексте Библии (Священного Писания), которые, по мнению Д.Б. Гудкова, представляют собой прецедентные высказывания, сумма значений компонентов которых не равна их смыслу. Например:

The measure of your faith is the measure of the pain you can endure, the Teacher had told him. [11: 80];

...Sleep well, Sister. May the peace of the Lord be with you [цит. раб.: 96];

...The winds of change are in the air... [цит. раб.: 79];

So be it, Fache thought [цит. раб.: 91]...etc.

Актуализация одного из прецедентных феноменов происходит при помощи обращения к другим ПФ, связанным с ним. Прецедентная ситуация может выражаться через описание, через обращение к реалиям, которые вряд ли могут быть названы прецедентными в собственном смысле этого слова, но фигурируют именно как фрагменты данной ситуации, как атрибуты соответствующей ситуации [3: 263–264]. Например, *In Boston not long ago, a disillusioned young investment banker had signed over his entire life savings to Opus Dei before attempting suicide* (описание). *Misguided sheep* (цитата), *Aringarosa thought, his heart going out to them* [11: 32].

Религиозный дискурс насыщен высказываниями прецедентного характера. Использование сакральных имен, цитат, высказываний в данном типе институционального дискурса подразумевает актуализацию главного текста религии – Библии, знакомой всем представителям ЛКС. Все виды прецедентных феноменов тесно взаимосвязаны и могут дополнять друг друга. В тексте художественного произведения ПФ выполняют ряд задач: придают описываемому событию положительную или отрицательную оценку, подтверждают правильность (неоспоримость) передаваемой мысли, выполняют эстетическую функцию, создавая яркий образ.

Список литературы

1. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Изд-во ВГМУ «Перемена», 2007. 375 с.
2. Воронцова Т.И., Георгинова Н.Ю. К уточнению понятий «дискурс» и «интердискурсивность» // *Studia Linguistica*. Вып. 11. Интегративные исследования текста и дискурса. СПб., 2012. С. 178–179.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
4. Кокс С. Взламывая код да Винчи. Путеводитель по лабиринтам тайн Дэна Брауна. М.: АСТ, 2005. 246 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Михайлова С.Е. Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 150 с.
8. Ракитина С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. 278 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 208 с.
10. Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale*. Paris: Gallimard, 1966. 356 p.
11. Brown D. «The Da Vinci code». New York, 2003. 489 p.
12. Thomas R.L. Literary genre and hermeneutics of the Apocalypse // *The Master's Seminary Journal*. 1991. Vol 2. № 2. Pp. 79–92.

ABOUT LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING THE RELIGIOUS DISCOURSE PRECEDENCY

(based on D. Brown's novel «The Da Vinci code»)

E. V. Skugareva

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg

The article is devoted to language means of expressing the religious discourse precedence (based on D. Brown's novel "The Da Vinci Code"). Religious discourse has its own units. The use of sacral names, quotations and statements in religious discourse represents the Bible text. Being the components of concept text structure precedent units activate the basic knowledge of the reader and help the addressee's better comprehension.

Keywords: *discourse, religious discourse, precedent text, precedent phenomenon, precedent name.*

Об авторе:

СКУГАРЕВА Елена Витальевна – аспирант кафедры английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, e-mail: skugareva.alena@yandex.ru